

наблюдения «красное», хотя слово *означает* в обоих утверждениях имеет один и тот же смысл. И нам нет необходимости заявлять, что первое утверждение говорит о том, что *und* находится в «отношении означивания» к Конъюнкции, а второе — о том, что *rot* находится в «отношении означивания» к Красноте⁴.

Из вышесказанного следует, что, основываясь на истинности семантического утверждения «красное» означает качество *красное*», вообще ничего нельзя сказать о той сложной роли, которую играет слово «красное», или о том, как это слово связано с красными вещами. И никакие рассуждения о грамматике слова «означает» в духе ‘Фидо’ — Фидо не помешают нам заявить, что роль слова «красное» (которая, по сути, и наделяет его значением) на самом деле очень сложная и что нельзя понять значение слова «красное» — т. е. «знать, что такое краснота», — если мы уже при этом не обладаем множеством таких знаний, которые по мнению классического эмпиризма имеют чисто случайное отношение к наличию у нас фундаментальных эмпирических понятий.

VIII. есть ли у эмпирического знания фундамент?

32. Одной из разновидностей Мифа о Данном выступает идея о том, что у конкретного положения вещей есть, а точнее *должна*

4 Анализ проблемы абстрактных сущностей, основанный на интерпретации семантических утверждений, см. в: [Sellars 1963].

быть, следующая структура: (а) о каждом факте не только можно иметь невыводное знание, что он имеет место, но это знание также не предполагает никакого другого знания о положении вещей или об общих истинах; и (b) невыводное знание о фактах, относящееся к данной структуре, выступает истиной в последней инстанции для всех фактических утверждений о мире — как частных, так и общих. Здесь важно отметить, что я охарактеризовал знание о факте, относящееся к этому уровню, не только как невыводное, но и как не предполагающее никакого другого знания, частного или общего, о положении вещей. Казалось бы, излишне говорить, что знание (не мнение или убеждение, а именно знание), логически предполагающее знание других фактов, должно быть выводным. Однако, как я покажу далее, само это утверждение также является частью Мифа.

Итак, идея такого привилегированного уровня фактов хорошо известна, хотя и она сталкивается с определенными трудностями. Знание, относящееся к этому уровню, является *невыводным*, но при этом все-таки *знанием*. Оно является *первичным*, но тем не менее обладает *авторитетом*. Попытки дать согласованное описание этих двух требований традиционно имели следующий вид:

Для того чтобы принадлежащие этому уровню утверждения 'выражали знание', они не только должны быть высказаны, но и, так сказать, должны заслуживать этого, т. е. они должны быть *надежными* — в том смысле, что они заслуживают доверия. Более того, и это важный момент, они должны быть высказаны так, чтобы эта надежность уже *предполагалась*. Ведь если между высказыванием некоего утверждения и его авторитетом нет никакой связи, то данное утверждение может выражать *убеждение*, но едва ли о нем можно сказать, что оно выражает знание.

Авторитет, или надежность, утверждений, относящихся к этому уровню, не может всецело покоиться на

том, что они поддерживаются *другими* утверждениями, поскольку в этом случае все *знание* на этом уровне было бы выводным, что противоречит не только самой гипотезе, но и здравому смыслу. Неизбежно напрашивается вывод, что для того, чтобы некоторые утверждения, относящиеся к этому уровню, выражали *невыводное* знание, они должны обладать такой надежностью, которая не зависит от поддержки со стороны других утверждений. И такой класс утверждений, по крайней мере отчасти подходящих под это определение, по всей видимости, существует. Это такие утверждения, которые *сообщают о наблюдениях*, например: «это — красное». Будучи искренне высказанными, такие утверждения обладают авторитетом. Тем не менее они не выражают логический вывод. Но как тогда объяснить их авторитет?

Очевидно, рассуждают далее, их авторитет связан с тем, что они могут быть высказаны только в определенных обстоятельствах, о чем свидетельствует тот факт, что обычно они содержат (хотя не обязательно и не без исключений) так называемые возвратные (*token-reflexive*) выражения, которые вместе с временами глаголов служат для установления связи между обстоятельствами, в которых высказано утверждение, и его смыслом. (Начиная с этого момента развиваемый здесь подход удобнее формулировать с помощью тех ролей, которые играют некоторые наши предложения — роли *констатации фактов* и роли *сообщения о наблюдениях*.) Короче говоря, два вербальных действия, будучи отдельными случаями употребления предложения без возвратных выражений, могут иметь место в самых разных обстоятельствах, но при этом выражать одно и то же утверждение. Тогда как два употребления одного предложения с возвратными выражениями

могут выражать одно и то же утверждение, только если они имели место в одних и тех же обстоятельствах (согласно определенному критерию тождества). Наконец, два употребления одного предложения (неважно, содержит оно возвратное выражение помимо времени глагола или нет) могут выражать одно и то же *сообщение*, только если они, *будучи* сделаны абсолютно искренне, выражают *наличие* (в *определённом* смысле этого слова) того положения дел, о котором сообщают; иными словами, если эти случаи употребления находятся в таком отношении (чем бы это отношение ни было) к положению дел, благодаря которому они, можно сказать, формулируют наблюдения относительно этого положения дел.

Судя по всему, употребление предложений может быть надежным в двух смыслах: (1) оно может быть наделено авторитетом, так сказать, *свыше*, т. е. будучи употреблением предложения такого типа, *все* употребления которого в определенном смысле обладают надежностью (например, « $2 + 2 = 4$ »). В этом случае мы говорим, что надежность употребления предложения зависит от того авторитета, которым обладает тип этого предложения. (2) Оно может быть надежным на основании того, что предложение было употреблено определенным образом и в определенных обстоятельствах (например, «это — красное»). В этом случае надежность употребления предложения уже не зависит от надежности типа этого предложения.

Итак, надежность *некоторых* типов предложений, судя по всему, является *внутренне присущей* им — по крайней мере в том смысле, что они *не* зависят от других предложений, т. е. от их типов или отдельных случаев употребления. Речь в данном случае идет о таких предложениях, которые используются в качестве аналитических

утверждений. В то же время надежность *других* типов предложений обусловлена их логической связью с другими типами предложений, т. е. благодаря тому, что они являются логическими следствиями из более фундаментальных предложений. Очевидно, однако, что надежность эмпирических типов предложений не может целиком сводиться к надежности других типов предложений. А поскольку ни один тип эмпирических предложений не обладает *внутренне присущей* ему надежностью, то из этого следует, что надежность *некоторых* типов эмпирических предложений должна быть гарантирована им за счет их логических связей с определенными случаями употребления предложений, т. е. с такими употреблениями предложений, чей авторитет, в свою очередь, уже не выводится из авторитета типов предложений.

Получается, что есть два *основных* вида надежности: (1) надежность, внутренне присущая аналитическим предложениям, т. е. такая, которой наделены все употребления предложений данного типа; и (2) надежность таких употреблений предложений, которые «выражают наблюдения», т. е. надежность, которая переходит от отдельных случаев употребления к типу.

33. Рассмотрим более подробно эту общую для всего традиционного эмпиризма точку зрения. Как же следует понимать авторитет тех случаев употребления предложений, которые «выражают знание, основанное на наблюдении»? Раньше считалось, что несмотря на очевидные различия между «сообщениями о наблюдении» и «аналитическими утверждениями», они тем не менее имеют сходство в том, что касается источника их авторитета. Например, считалось, и не без оснований, что если *обычные* эмпирические утверждения могут быть сделаны *правильно*, не будучи при этом *истинными*, то

сообщения о наблюдении похожи на аналитические утверждения тем, что если сделать их правильно, то это будет достаточным и необходимым условием их истинности. Из этого делали вывод — поспешный, как мне кажется, — что «правильно сделать» сообщение «это — зеленое» значит «следовать правилам употребления 'это', 'есть' и 'зеленое'».

Здесь необходимо сделать три замечания:

(1) Прежде всего, краткое замечание относительно термина «сообщение». В обыденном словоупотреблении сообщение — это всегда *чье-то* сообщение *кому-то*. Сообщить — значит *сделать* что-то. Однако в работах по эпистемологии слово «сообщение», или *Konstatierung*, приобрело специальное применение, в котором отдельное употребление предложения может играть роль сообщения, (a) не будучи публичным (*overt*) вербальным действием и (b) не имея характер «от кого-то кому-то» — даже самому себе. Существует, конечно, «разговор с самим собой» — *in foro interno* — однако, как я покажу на заключительных этапах своего рассуждения, не стоит думать, будто таковыми являются все «скрытые» (*covert*) вербальные эпизоды.

(2) Второе мое замечание заключается в том, что мы не будем считать, что если «сообщения» в обычном смысле слова — это *действия*, то и сообщения в смысле *Konstatierungen* — это тоже действия. Однако в рассматриваемом нами подходе они именно так и трактовались. Иными словами, для данного подхода правильность *Konstatierungen* аналогична правильности действий. Однако я хотел бы подчеркнуть, что не всякое *следует* означает *следует делать* и не всякая правильность — это правильность *действий*.

(3) Третье мое замечание заключается в том, что если серьезно подходить к выражению «следовать правилу», а не размывать его до неузнаваемости, сводя всего лишь к проявлению единообразия (иначе последовательность «молния, затем гром» также будет «следованием правилу»), то осуществлению действия